

УДК 1(091)

ИСТОРИКИ ФИЛОСОФИИ В ПОИСКЕ ОСНОВАНИЙ СВОЕЙ ДИСЦИПЛИНЫ: СТАТУС ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РАБОТА¹

Львов А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: a.lvov@spbu.ru

Сегодня в профессиональном историко-философском сообществе активно обсуждается статус этой дисциплины. При этом имеет место двоякое понимание истории мысли как одной из дисциплин философского поиска: с одной стороны, в отношении ее методологии (то есть различных классификаций и жанровых особенностей возможных историко-философских проектов), а с другой – ее онтологии, когда возникает необходимость решения вопроса об отношении мысли к своей истории. Важно отметить, что обобщение всего многообразия жанров, обосновывающих легитимность тех или иных философских вопросов, не касается прояснения понятия философии. Это обуславливает доксографический (или парадигмальный) характер методологического аспекта историко-философского исследования. Что же до онтологического его аспекта, то можно сказать, что именно в нем сосредоточивается возможность постановки и решения вопроса об отношении мысли к своей истории. В силу того, что различные историки философии по-своему интерпретируют природу их исследований, а их собственное понимание сущности философского поиска нередко подвергается критике или тщательному анализу со стороны философского сообщества, имеет место непринятие классического утверждения о том, что «философия есть история философии». Исходя из анализа актуальных историко-философских дискуссий как среди зарубежных, так и отечественных историков философии, мы приходим к выводу о том, что радикальное переосмысление понятия метафизики и ее истории в ходе развития прежде всего аналитической традиции, а также прагматизма породило такое характерное для этих направлений явление, как антиисторизм. В качестве гипотезы для дальнейших исследований мы выдвигаем положение о том, что в связи с отказом от традиционного «континентального» (а по существу – западноевропейского) понимания метафизики историческое основание философского дискурса также подверглось девальвации.

Ключевые слова: история философии, историки философии, методология истории философии, онтологический аспект, методологический аспект, антиисторизм.

I

При самом поверхностном рассудочном взгляде на проблемное поле истории философии становится очевидно, что так или иначе все попадающие в него исследования можно разнести по трем рубрикам.

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).

Во-первых, те или иные философские произведения могут восприниматься в качестве свидетельства о том месте и времени, в рамках которых они были созданы – наряду с иными (художественными, религиозными, научными) текстами; в этом случае мы имеем дело с историческим измерением истории философии. Так, можно говорить об объективной исторической преемственности, например, идей Монтеня и Лабрюйера, а следовательно, рассматривать их в едином курсе истории французской философии как рефлексивной или афористической литературы, написанной на французском языке. Во-вторых, философские произведения могут трактоваться исследователями как текстологические свидетельства, объясняющие возникновение тех или иных парадигм (понятие Т. Куна) и эпистем (понятие М. Фуко) или объяснимых исходя из изучения этих теоретических этапов в становлении отдельной философской дисциплины. В этом случае мы имеем дело с историей науки, или науковедением (если только философия признается наукой). Мы можем исследовать, например, влияние идей Аристотеля на основателя палеонтологии Ж. Кювье и показать, что история биологии до возникновения четко сформулированных экспериментальных и специфических для нее критериев была детерминирована естественно-научными установками Стагирита. Наконец, в-третьих, если мы рассматриваем интересующие нас произведения как свидетельства единого и всеобщего процесса постижения субъектом познания (вообще в гносеологическом, а не строго в гегелевском смысле онтологической всеобщности) истины – тогда окажется, что мы имеем дело с философским измерением истории философии.

С другой стороны, методологическая классификация типов историко-философских исследований может быть и более изощренной. Сравнительно недавно подобную классификацию предложил, например, американский исследователь Ричард Рорти (1931–2007) в ставшей широко известной работе «Историография философии: четыре жанра»², где он утверждает, что имеют место в общей сложности четыре наиболее распространенных жанра истории философии (здесь, разумеется, легко угадывается аллюзия на некогда сформулированные Борхесом четыре сюжета). Это, во-первых, рациональная реконструкция (то есть попытка современного исследователя понять историческую фигуру или ситуацию), во-вторых, историческая реконструкция (имеется в виду попытка описывать исторические сюжеты адекватными им историческими способами), в-третьих, история духа (*Geistesgeschichte*, или осмысление постановки существенных вопросов в истории мысли, как это делали Мишель Фуко или Аласдайр Макинтайр)³ и, наконец, доксография (другими словами, характерное для учебников последовательное описание учений различных мыслителей). Рорти также указывает на то, что возможен и пятый подход – так называемая интеллектуальная история, особенность этого подхода, согласно мнению И. Д. Джохадзе, определяется объектом исследования: «Объектом изучения в данном случае оказывается не конкретная философская проблематика или аргументация того или

---

² Об историко-философском подходе Р. Рорти см.: [2; 5, с. 227–238; 14].

³ См., например: [14, р. 977–978].

иного мыслителя по тому или иному вопросу, а состояние знания в исследуемый период истории, общая интеллектуальная атмосфера эпохи» [2, с. 11–12].

Однако сам взгляд на предмет историко-философского исследования, характерный для Рорти как представителя прагматизма, слишком вольное его обращение с источниками оборачиваются вовсе не историко-философским исследованием, а совершенным отрицанием какого бы то ни было контекстуального исторического исследования философской мысли. Американский «гегельянец», как его определяет И. Джохадзе [2, с. 3],⁴ скорее деконструирует, чем реконструирует философские тексты и учения своих исторических предшественников, полагая, что не современность является зеркалом истории, а, наоборот, история отражает в своей интерпретации исследователями современность [2, с. 19]. Таким образом, провозглашая иронический подход к состязанию различных философских дискурсов различных эпох, Рорти фактически расписывается в непризнании им принципов классической герменевтики и проповедует антиисторицизм. Тем не менее необходимо отметить, что подобная жанровая классификация методологии историко-философского исследования лишь рельефнее очерчивает заявленное нами в начале разделение на историческое, научное и философское измерение истории философии. Пользуясь понятиями Р. Рорти, к первому измерению можно отнести историческую реконструкцию и доксографию, ко второму – интеллектуальную историю (или историю идей, о которой речь впереди), а к третьему – рациональную реконструкцию и историю духа.

Интересно также отметить и другие оригинальные (впрочем, менее виртуозные) классификации историко-философской методологии. Так, выдающийся историк античной философии XX столетия, специалист по Аристотелю Михаэль Фреде (1940–2007) утверждал, что начиная с конца XIX столетия историки философии в большей степени тяготеют к «доксографическому» жанру, нежели к собственно философскому подходу при создании истории мысли. «Философскими» историями философии М. Фреде признает такие, которые относятся ко всем предшествующим философским поискам в истории как к моментам на пути к современному положению дел в философии; он указывает, что принципы этого жанра были выработаны уже в конце XVIII века такими исследователями, как К. Майнер, Д. Тидеманн, И. Г. Буле [11, р. 667]. «Доксография» же, с его точки зрения, занимается перечислением исторических фактов в силу того, что те или иные мыслители жили в то или иное время и уже в силу одного только этого заслуживают внимания [11, р. 667–668]. Образцом и примером такого «доксографа», с его точки зрения, является знаменитый неокантианец, автор влиятельного труда по истории античной философии Э. Целлер.

Нельзя не отметить, что существуют убежденные сторонники и такого историографического измерения истории философии, настаивающие на необходимости продуктивного изучения фактического материала и реконструкции действительного положения вещей⁵. Впрочем, подобная точка зрения активно

---

⁴ О внимании Р. Рорти к континентальной метафизике, в частности, к Канту и Гегелю, см. [3, с. 362–367]

⁵ Например, таких взглядов поддерживался М. Грин – см.: [19, р. 117 ff.]; Дж. Х. Рэндал – см.: [20, р. 4]

дебатировалась и продолжает вызывать споры в историко-философском сообществе: например, исследователь из Копенгагенского университета Лео Катана (Leo Catana, род. 1965) в своей полемической по отношению к позиции М. Фреде статье [6] не соглашается с его бинарной классификацией, считая ее несостоятельной прежде всего по методологическим основаниям. Он убежден в том, что история философии невозможна без корректной «доксографии» (в терминах М. Фреде), а потому адекватно описывать историко-философский процесс можно лишь исходя из анализа фактического исторического материала [6, p. 176–177].

Вообще, Л. Катана не склонен придавать большое значение метафизическим обобщениям, свойственным новоевропейской традиции. Он сосредоточивает свое внимание в большей степени на методологии историко-философского исследования [8]. Так, в одной из своих статей [7] он осмысляет методологические особенности созданной в 20-х годах XX столетия Артуром Онкеном Лавджоем (1873–1962) дисциплины – «истории идей». Наиболее интересным в представленном копенгагенским исследователем анализе оказывается обсуждение вопроса о том, насколько правомерно А. О. Лавджой формулирует особую «методологическую программу» своей дисциплины. В отличие от истории философии, история идей должна заниматься исследованием принципов, заключающихся в «элементарной идее» (unit-idea), и следствий из них, которые проявляются в последующем ходе истории. Более того, истории идей как особой области исследования он приписывал особый междисциплинарный характер. Л. Катана показывает, что те «элементарные идеи», которые, как считал Лавджой, составляют независимые «группы» и существуют в истории мысли, представляют собой не принципы, составляющие философские системы, а, скорее, автономные «ментальные сущности» [7, p. 104]. Кроме того, то, что Лавджой трактует как междисциплинарный характер научного поиска, сегодня не выдерживает критики. Исследователи продемонстрировали, что, например, те формы, которые принимал философский (или называемый таковым) дискурс XVII–XVIII веков, были гораздо более междисциплинарными, нежели то, как представляли его себе историки мысли конца девятнадцатого столетия [7, p. 111–112]. Сказанное означает, что, хотя эту дисциплину и основал исследователь-философ, история идей в качестве междисциплинарной области знания может существовать и помимо философии (только силами наук, занимающихся исследованием фактов), что, однако, лишает ее статуса объективного порождения философских поисков начала двадцатого века.

II

Перечисленные выше подходы к классификации историко-философского знания исходят из очевидности ответа на вопрос о том, что такое философия, или, по крайней мере, достаточных культурных предпосылок для того, чтобы не формулировать его снова. В таком случае оказывается, что история философии понимается как дисциплина – одна из нескольких формально относящихся к философскому дискурсу, причем границы этого дискурса очерчиваются в соответствии с традиционными взглядами и представлениями. Основанием для последних являются курсы по философии (currricula) и ее истории в различных

университетских программах, учебные пособия, – словом, именно те доксографические элементы, благодаря которым только и возможно выстроить ту или иную научную парадигму, ведь, как известно, именно учебники являются «педагогическими средствами поддержания постоянства нормальной науки» [13, р. 137; 12, р. 10–11].

Для того, чтобы теперь указать на содержательный или онтологический аспект актуальных историко-философских дискуссий, необходимо проанализировать, каким образом ставится и решается вопрос об отношении философии к собственной истории. Этот вопрос следует понимать в качестве разновидности вопроса о том, что же такое философия, как мы увидим, в зависимости от понимания сущности философии разные исследователи по-разному говорят о природе историко-философского поиска. Как и в случае с методологическим (формальным) аспектом, мы прибегнем к помощи рассудка, который подсказывает нам, что возможно двойное толкование отношения мысли к своей истории. Либо они как понятия в своем объеме совпадают, либо же нет; приведем аргументы сторонников первой и второй точек зрения.

Представитель университета Сан-Франциско, историк философии Рой Маш (Roy Mash), например, не считает, что философская мысль и ее история – одно и то же. Более того, он видит лишь три возможных причины заниматься историей мысли. Во-первых, это причина прагматическая, то есть такая, которая выражает этос философа, принадлежность к той или иной группе коллег, понимание габитуса этой группы и прочее. Во-вторых, это так называемая домашняя (homely) причина, которая сводится к знанию фактического материала и пересказу предшествовавших мнений разных историков философии: фактически – к эвристике. Наконец, в-третьих, он выделяет «надуманную», субъективную причину, в соответствии с которой тому или иному автору представляется, что некое историко-философское исследование важно, по нашему собственному убеждению. Наиболее обоснованной причиной заниматься историей философии Р. Маш считает вторую из изложенных. Более того, он решительно не согласен с аргументом о том, что создавать качественную, «хорошую» философию – это значит философствовать исторически, заниматься историей философии. В качестве контрпримера он приводит фигуру Людвиг Витгенштейна – принципиально далекого в своем творчестве от историко-философского исследования мыслителя [16, р. 296]. Тем не менее история философии важна и необходима, но только как одна из дисциплин в ряду прочих философских наук, таких как логика, онтология, эстетика и тому подобных. В этом смысле основной пафос Р. Маша сводится к тому, чтобы продемонстрировать, что значимость истории философии (причем не в смысле специальной исторической дисциплины) слишком преувеличена, а отождествление истории мысли и самой мысли, разговоры о том, что история философии является неотъемлемой частью процесса философствования, не имеют под собой достаточного основания [16, р. 299].

Другой представитель англо-американского направления исследований, специалист по творчеству Дж. Локка и классической новоевропейской философии Джон Йолтон (John W. Yolton, 1921–2005) обращает внимание на педагогическую

составляющую этой проблемы. Он полагает, что существует объективная потребность в том, чтобы привить студентам навыки квалифицированного чтения тестов. Эта актуальная проблема действительно требует решения в рамках учебного процесса; однако нельзя требовать от современных философов, обладающих статусом ученых (статус, соответствующий в академической среде всякому естествоиспытателю, особенно в англо-саксонской культуре), глубокой, профессиональной осведомленности в области истории философии. Одним из аргументов этого историка философии является размытость границ той сферы исследования, которую мы считаем философской, например, в XVII–XVIII вв. понятие философии радикально отличалось от сегодняшнего, поэтому для адекватной интерпретации текстов таких авторов, как Декарт, Беркли или Юм, необходимо иметь в виду не только (и не столько) собственно историографические сведения по «философским» текстам, но тех авторов, которые оказали влияние на исследуемые нами тексты – прямо или опосредованно, очевидно или неявно [21, р. 5]. Следовательно, с его точки зрения, история философии как дисциплина, во-первых, оказывается сомнительной, а во-вторых, может быть вполне реализована только в образовательном контексте при обучении студентов необходимым навыком грамотного чтения «философских» текстов [21, р. 19–20].

Вообще, чем больше погружаешься в размышления представителей аналитической традиции об истории философии, тем больше в глаза бросается довольно ощутимый, порою даже агрессивный антиисторизм. Такие маститые ее представители, например Джон Сёрль, в своих работах зачастую вовсе игнорируют какой бы то ни было историко-философский контекст при исследовании интересующих их проблем. Это замечает и видный исследователь аналитической традиции, историк философии В. В. Васильев: «Он [Сёрль. – А. Л.] признает свою, скажем так, недостаточную осведомленность в истории дисциплины, которую он 40 лет преподает в университете Беркли (Калифорния, США). Объясняет он это тем, что медленно читает и что в Оксфорде, где он получал философское образование, не было подробных исторических курсов: “Я изучал историю философии Нового времени, прежде всего Декарта, Локка, Беркли и Юма. Но я вообще не изучал Канта, Лейбница или Спинозу и мало касался Платона и Аристотеля”. Сёрл, впрочем, пытается истолковать недостаток собственных историко-философских познаний как преимущество, указывая – вполне в картезианском ключе – на то, что своими рассуждениями философы часто не проясняли, а, наоборот, затемняли те или иные вопросы. Созданная ими путаница способствовала тому, что сами по себе несложные проблемы превращались в их глазах в великие тайны» [1, с. 54–55].

Интересно, что в связи с подобными проявлениями «воинствующего антиисторизма» некоторые исследователи склонны считать его определенным свойством, характерным в работе философов-аналитиков, об этом пишет, например, И. Мишо: «История философии – это типично европейская, если не сказать французская, дисциплина, важность которой в курсе изучения, исследования и вообще во всем климате философских занятий трудна для понимания англо-саксонских философов, которые в большей мере сосредоточены на

непосредственной борьбе с утверждениями великих предшественников или с нетерпением стремятся изложить свои собственные идеи» [17, р. 467].

Что же касается аргументов в пользу того, что история философии и философия как понятия по объему своему совпадают, то подобная точка зрения высказывается, например, исследователем из Чикагского университета Лесли Коэном (Lesley Cohen). В одной из своих публикаций она вступает в дискуссию с известным историком философии Эдвином Кёрли (Edwin Curley, род. 1937), который в своей статье «Диалоги с мертвыми» (Dialogues With the Dead) утверждает, что история мысли важна и ее следует изучать для того, чтобы правильно задавать вопросы и воспринимать на них ответы. Кёрли также считает, что в философии имеет место прогресс и учения, предложенные столетия назад, должны быть заменены более перспективными или истинными учениями – но не философией [9, р. 51–52]. Л. Коэн в принципе соглашается с позицией своего коллеги, однако не принимает его тезиса о прогрессе в философии. Чикагский исследователь сравнивает историю философии и историю науки: наука, с ее точки зрения, всегда «забывает» свою историю, ей нет необходимости возвращаться к прежним парадигмам и переосмыслять их. Философия же по преимуществу дисциплина историческая – в том смысле, что незнание истории мысли означает непонимание того, почему те или иные вопросы имеют право быть заданы и требуют ответа на них. Другими словами, философия – это дисциплина, в которой важно не упустить из виду временное, историческое развитие (но не в гегелевском диалектическом смысле!) вопросов, которые нас захватывают. С философами прошлого можно и нужно спорить – в этом смысле мы не занимаемся историей философии, но творим актуальную философию с помощью, в диалоге с персонажами из прошлого: «Хорошая философия никогда не производится в вакууме» [9, р. 55].

Видный специалист в истории философии, сотрудник Института продвинутых исследований Австралийского национального университета Джон Пассмор (1914–2004) в своей статье «The Idea of a History of Philosophy» утверждает, что идея истории философии состоит в том, чтобы помимо чисто доксографических сюжетов устанавливать подлинную картину тех обстоятельств, в рамках которых тот или иной автор создавал свои произведения. При этом необходимо иметь в виду, что сам философ должен в связи с таким подходом пониматься как неотъемлемая составная часть всеобщего историко-философского процесса: «Он [историк философии. – А. Л.] не просто записывает, не просто передает; он стремится понять, и в этих попытках он должен воссоздать ситуацию. В самом деле, в известном смысле он не только воссоздает, но и создает. Ибо интеллектуальная ситуация, в которую он помещает, например, Канта и из которой он показывает движение кантовских проблем, не является такой ситуацией, которую бы сам Кант осознавал. Декарт не знал, насколько он был связан со схоластической традицией; Кант не знал о том, что его знание Юма несовершенно. Но для нас теперь понять Декарта или Канта с точки зрения истории означает разглядеть Декарта в контексте схоластики, а Канта – работающим в такой традиции, которая заставила его считать, что Юм мог бы и не сказать того, что он на самом деле сказал. Только так мы можем понять, почему Юм и Кант утверждают то, что они утверждают – понять их

таким образом, как сами себя они не понимали» [18, р. 31–32]. Сходных взглядов придерживается и Эрнст Мориц Манасс, указывающий на историческую необходимость доксографии, но вместе с тем философский характер истории мысли [15].

Разумеется, в связи с подходом к истории философии как философии нельзя не упомянуть и ставшую хорошо известной позицию французского исследователя античности Пьера Адо (1922–2010). Известный своим изучением понятия заботы о себе в ее практическом аспекте как реализации древнего императива *γνῶθι σεαυτόν* (познай самого себя), Адо вместе с тем полагал, что подлинной философии без истории не может быть [10]. В этом проявляется его оригинальное переосмысление тезиса Л. Витгенштейна о языковых играх – французский интеллектуал считает, что античная философия представляет собой серию языковых игр и каждую из них историк должен уметь соотносить с теми конкретными историческими условиями, в которых она развивалась и существовала. В этом смысле П. Адо оказывается сторонником историко-философского отношения к мысли, в чем проявляется его сходство с Дж. Пассмором; однако это видимое сходство их позиций не следует преувеличивать, поскольку французский историк также полагал, что прочтение современными философами работ мыслителей классической античности не только легитимно, но и вполне выражает все то непреходящее значение, которым она обладает для нас в конкретных исторических условиях.

III

Изложенные в предлагаемой статье соображения можно резюмировать в следующих трех тезисах.

Во-первых, история философии в современном исследовательском сообществе может пониматься двояко: с одной стороны, как проблема методологическая, с другой – как онтологическая. Под первой мы понимаем необходимость дать различные классификации и жанровые особенности возможных проектов историй философии, под второй – необходимость решения вопроса об отношении мысли к своей истории.

Во-вторых, история философии как методологическая проблема непосредственно связана с потребностью подвести под общее понятие то многообразие жанров (в том числе и историю идей), которое возникает в связи с различными задачами обоснования правомерности постановки тех или иных философских вопросов. Важно иметь в виду, что понятие философии при этом, как правило, остается невыясненным, в чем проявляется доксографический (или парадигмальный) характер всякой классификации подобного рода.

В-третьих, онтологический аспект истории философии оказывается завязан на решении вопроса об историчности философского знания. Важно иметь в виду, что непринятие тезиса о том, что история философии и философия тождественны, влечет за собой и отказ от необходимости самого историко-философского исследования. Однако же признание совпадения объемов понятий философии и ее истории указывает на исторический характер философской мысли как таковой.

На последнем положении нам бы хотелось остановиться особо. Разумеется, как и всякая философская дисциплина, история философии требует известной

подготовленности исследователя и определенным образом очерченного своего собственного проблемного поля. Вместе с тем история философии представляет собой едва ли не единственную область философского знания, которая, поскольку располагает собственным эмпирическим материалом, признается представителями положительных дисциплин научной. Уже на описательном уровне историк философии способен явить миру новое фактическое знание (например, обнаружить до сих пор неизвестную рукопись или установить авторство той или иной идеи и т.п.). Более того – всякое подлинное открытие в философии оказывается историчным по своему существу: с одной стороны, оно всегда обуславливается местом и временем, жизненными обстоятельствами своего автора, а с другой – так или иначе касается исторического аспекта философии как особого рода культурной деятельности. Отчего же вообще может тогда возникнуть в современном философском дискурсе вопрос о статусе истории философии?

На наш взгляд – и это гипотеза, которая требует более тщательного исследования в дальнейшем, – дело может заключаться в том, что понятие метафизики и, как следствие, ее истории было радикально переосмыслено в ходе развития новейших философских школ и течений, прежде всего англо-американских направлений аналитической философии и прагматизма. Воинствующий антиисторизм их представителей в купе с отказом от традиционного «континентального» (а по существу – западноевропейского) понимания метафизики обесмыслил исторический характер философской мысли. Там, где метафизика понимается как дисциплина, позволяющая дать «предельное обоснование теоретического знания»,⁶ а философия отличается от естественных наук вовсе не качественно, а количественно, понятно, не может быть никакого дела до исторического измерения мысли как непрекращающегося рационального поиска истины. Если одни способы обобщения сменяют другие, а позитивность знания носит уже не дискуссионный, а идеологический характер, то никакая история наподобие *Geistesgeschichte* Ричарда Рорти не может предложить перспективной исследовательской программы. Вот почему, на наш взгляд, историко-философские поиски в этом сегменте современного философского дискурса продуктивно заменяет история идей.

Список литературы

1. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 269 с.
2. Джохадзе И. Д. Ричард Рорти как историк философии // История философии. – 2012. – № 17. – С. 3–24.
3. Никоненко С. В. Аналитическая философия: основные концепции. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. – 545 с.
4. Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В.Г. Кузнецова. – М.: Инфра-М, 2005. – 731 с.
5. Юлина Н. С. Очерки по философии в США. XX век. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 546 с.
6. Catana L. Doxographical or Philosophical History of Philosophy: On Michael Frede's Precepts for Writing the History of Philosophy // History of European Ideas. – 2016. – Vol. 42. – № 2, pp. 170–177.

---

⁶ Формулировка А. Л. Доброхотова – см. [4, с. 324].

7. Catana L. Lovejoy's Readings of Bruno: Or How Nineteenth-Century History of Philosophy Was "Transformed" into the History of Ideas // *Journal of the History of Ideas*. – 2010. – Vol. 71. – № 1. – pp. 91–112.
8. Catana L. The Concept "System of Philosophy": The Case of Jacob Brucker's Historiography of Philosophy // *History and Theory*. – 2005. – Vol. 44. – № 1. – pp. 72–90.
9. Cohen L. Doing Philosophy Is Doing Its History // *Synthese*. – 1986. – Vol. 67. – № 1. – pp. 51–55.
10. Force P. The Teeth of Time: Pierre Hadot on Meaning and Misunderstanding in the History of Ideas // *History and Theory*. 2011. – Vol. 50. – № 1. – pp. 20–40.
11. Frede M. The History of Philosophy as a Discipline // *The Journal of Philosophy*. – 1988. – № 85. – pp. 666–672.
12. Hacking I. Representing and Intervening. Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science. – New York, 2010. – 296 p.
13. Kuhn T. S. The Structure of scientific Revolutions. – Chicago, 1996. – 179 p.
14. Makkreel R. A. Traditional Historicism, Contemporary Interpretations of Historicity, and the History of Philosophy // *New Literary History*. – 1990. – Vol. 21. – № 4. – pp. 977–991.
15. Manasse E. M. The Philosophical Value of the History of Philosophy // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 1952. – Vol. 12. – № 4. – pp. 538–549.
16. Mash R. How Important for Philosophers is the History of Philosophy? // *History and Theory*. – 1987. – Vol. 26. – № 3. – pp. 287–299.
17. Michaud Y. The End of the History of Philosophy // *Social Research*. – 1982. – Vol. 49. – № 2. – pp. 467–480.
18. Passmore J. The Idea of a History of Philosophy // *History and Theory*. – 1965. – Vol. 5. – pp. 1–32.
19. Pitt J. C. Problematics In The History of Philosophy // *Synthese*. 1992. – Vol. 92. – pp. 117–134.
20. Thayer H. S. The Philosophy of History and the History of Philosophy: Some Reflections on the Thought of John Herman Randall, Jr. // *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. – 1987. – Vol. 23. – № 1. – pp. 1–15.
21. Yolton J. W. Is There a History of Philosophy? Some Difficulties and Suggestions // *Synthese*. – 1986. – Vol. 67. – № 1. – pp. 3–21.

Lvov A.A. How Historians of Philosophy Substantiate Their Discipline: the Status of History of Philosophy and Historical and Philosophical Research // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 4. – P. 84–94.

In contemporary historical and philosophical community the disputes on the status of history of philosophy are quite topical and fruitful. At the same time there takes place an ambiguous understanding of the history of thought as a discipline within the philosophical domain. On the one hand, it concerns its methodology (i.e. various classifications and genre specifications of possible historical and philosophical projects), and on the other – its ontology, when to solve the problem of how thought correlates with its history becomes mandatory. It is important to notice that the generalization of the variety of the genres, which found legitimacy of those philosophical issues, does not deal with the clarification of philosophy as a concept. This determines doxographic (or paradigmatic) character of the methodological aspect in the historical and philosophical investigations. Then, in terms of the ontological aspect, one may claim that it provides scholars with the possibility to put and unravel the question of the correlation of thought to its history. As far as different historians of philosophy tend to interpret the nature of historical and philosophical search on their own, and their original understanding of the essence of the philosophical research is usually disputable and becomes the aim of their colleagues' thorough analysis, the classical proposition that "philosophy is the history of philosophy" becomes quite dubious. Analyzing the current historical and philosophical discussions, in the field of both Russian and foreign academic traditions, we conclude that the radical revision of the concept of metaphysics lay the foundation for so called "antihistoricism" as a feature of the present philosophical research within the analytic trend in the Western thought.

Keywords: history of philosophy, historians of philosophy, methodology of the history of philosophy, ontological aspect, methodological aspect, antihistoricism.

References

1. Vasiliev V. V. Trudnaya Problema Soznaniya [Hard Problem of Consciousness]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2009, 269 p.
2. Dzhokhadze I. D. Richard Rorty kak Istorik Filosofii [Richard Rorty as a Historian of Philosophy]. Istoriya filosofii, 2012, no. 17, pp. 3–24.
3. Nikonenko S. V. Analiticheskaya Filosofiya: Osnovnye kontseptsii [Analytic Philosophy: the Main Conceptions]. St. Petersburg, Publishing house of Saint-Petersburg State University, 2007, 545 p.
4. Slovar' Filosofskikh Terminov [Dictionary of Philosophical Terms]. Moscow, Infra-M, 2005, 731 p.
5. Yulina N. S. Ocherki po Istorii Filosofii v SShA. XX vek [Sketches on the History of Philosophy in the USA. XX century]. Moscow, Editorial URSS, 1999, 546 p.
6. Catana L. Doxographical or Philosophical History of Philosophy: On Michael Frede's Precepts for Writing the History of Philosophy. History of European Ideas, 2016, Vol. 42, No. 2, pp. 170–177.
  7. Catana L. Lovejoy's Readings of Bruno: Or How Nineteenth-Century History of Philosophy Was "Transformed" into the History of Ideas. Journal of the History of Ideas, 2010, Vol. 71, № 1, pp. 91–112.
  8. Catana L. The Concept "System of Philosophy": The Case of Jacob Brucker's Historiography of Philosophy. History and Theory, 2005, Vol. 44, № 1, pp. 72–90.
  9. Cohen L. Doing Philosophy Is Doing Its History. Synthese, 1986, Vol. 67, № 1, pp. 51–55.
  10. Force P. The Teeth of Time: Pierre Hadot on Meaning and Misunderstanding in the History of Ideas. History and Theory. 2011, Vol. 50, № 1, pp. 20–40.
  11. Frede M. The History of Philosophy as a Discipline. The Journal of Philosophy, 1988, № 85, pp. 666–672.
  12. Hacking I. Representing and Intervening. Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science. New York, 2010, 296 p.
  13. Kuhn T. S. The Structure of scientific Revolutions. Chicago, 1996, 179 p.
  14. Makkreel R. A. Traditional Historicism, Contemporary Interpretations of Historicity, and the History of Philosophy. New Literary History, 1990, Vol. 21, № 4, pp. 977–991.
  15. Manasse E. M. The Philosophical Value of the History of Philosophy. Philosophy and Phenomenological Research, 1952, Vol. 12, № 4, pp. 538–549.
  16. Mash R. How Important for Philosophers is the History of Philosophy? History and Theory. 1987, Vol. 26, № 3, pp. 287–299.
  17. Michaud Y. The End of the History of Philosophy. Social Research, 1982, Vol. 49, № 2, pp. 467–480.
  18. Passmore J. The Idea of a History of Philosophy. History and Theory, 1965, Vol. 5, pp. 1–32.
  19. Pitt J. C. Problematics In The History of Philosophy. Synthese. 1992, Vol. 92, pp. 117–134.
  20. Thayer H. S. The Philosophy of History and the History of Philosophy: Some Reflections on the Thought of John Herman Randall, Jr. Transactions of the Charles S. Peirce Society, 1987, Vol. 23, № 1, pp. 1–15.
  21. Yolton J. W. Is There a History of Philosophy? Some Difficulties and Suggestions. Synthese. 1986, Vol. 67, № 1, pp. 3–21.